E65 745
Котляревский. Война и демокр.

E65
745

Изданіе Московскаго Областного Военно-Промышленнаго Комитета.

E65 745

Николай Кравченко

К-734

Проф. С. А. Котляревскій.

Членъ Московскаго Военно-Промышленнаго Комитета.

ВОЙНА И ДЕМОКРАТІЯ.

Цѣна 10 коп.

Москва.
Тип. „КУЛЬТУРА" А. К. Міесеровой, Мерзляковскій, 7.
1917.

ЛБ94 343

Изданіе Московскаго Областного Военно-Промышленнаго Комитета.

E65 745

Проф. С. А. Котляревскій.

Членъ Московскаго Военно-Промышленнаго Комитета.

ВОЙНА И ДЕМОКРАТІЯ.

МОСКВА.
Тип. „КУЛЬТУРА“ А. К. Міесеровой, Мерзляковскій 7.
1917.

Государств. публичная
историческая
библиотека РСФСР
1232647

Война и демократія.

Въ исторіи человѣчества было безконечно много войнъ, но по своему смыслу онѣ чрезвычайно различествовали. Многія изъ нихъ были вызваны честолюбіемъ, стремленіемъ къ большему могуществу, богатству и славѣ со стороны тѣхъ, кто управлялъ народами, распоряжались ихъ вооруженной силой и ихъ средствами. Другія вызывались дѣйствительной необходимостью для даннаго государства и живущаго въ немъ народа достигнуть своихъ естественныхъ границъ Такое значеніе имѣла, напримѣръ, такъ называемая великая сѣверная война, которую велъ Петръ со шведами, дабы пріобрѣсти для Россіи выходъ къ морю. Не мало было войнъ, вызванныхъ не честолюбіемъ отдѣльныхъ безотвѣтственныхъ правительствъ, а экономическими интересами и расчетами цѣлыхъ классовъ. Но велись такія войны, отъ исхода которыхъ зависѣли помимо матеріальныхъ интересовъ отдѣльныхъ государствъ и народностей также великіе культурные интересы всего человѣчества. Когда много вѣковъ тому назадъ воины-граждане греческихъ городскихъ республикъ отразили несмѣтныя полчища персидскаго царя, они спасали не только свой народъ, но дѣло свободы и просвѣщенія, которое получила отъ этого народа Европа.

Когда во время французской революціи, революціонная армія отражала австрійскія и прусскія войска, они защитили не только Францію отъ иноземнаго вторженія, но и пріобрѣтенія революціи—новый политическій строй, равенство гражданъ передъ закономъ и т. д.—отъ возстановленія стараго деспотическаго порядка.

Несомнѣнно, къ разряду этихъ послѣднихъ войнъ принадлежитъ и та, которую мы ведемъ въ настоящее время. Часто говорятъ, что она вызвана столкновеніемъ интересовъ отдѣльныхъ классовъ и народностей, въ особенности соперничествомъ англійскихъ и германскихъ капиталистовъ, стремящихся обезпечить для себя заморскіе рынки. Говорятъ, что пораженіе Германіи выгодно только для этихъ ея конкурентовъ и что человѣчеству, одинаково вреденъ имперіализмъ англійскій и французскій, какъ и германскій.

Нельзя отрицать, что въ современной войнѣ затронуты весьма существенные экономическіе и политическіе интересы отдѣльныхъ народностей и даже отдѣльныхъ ихъ классовъ. Между Англіей и Германіей дѣйствительно идетъ давнишнее соперничество изъ за рынковъ и колоній. Но не это главное въ современной войнѣ. Главное, что съ самаго начала здѣсь столкнулись передовыя западныя демократіи, какъ Англія и Франція, и военная монархія, какъ Германія. Столкнулись два уклада государственной и народной жизни. Основное различіе между ними лежитъ въ томъ, зависитъ ли направленіе этой жизни отъ воли и усмотрѣнія безотвѣтственнаго властителя или отъ мнѣ-

нія самихъ гражданъ. И различіе это гораздо важнѣе, чѣмъ даже разница монархіи и республики. Въ Англіи монархія, но англійское министерство можетъ оставаться у власти только до тѣхъ поръ, пока оно пользуется довѣріемъ народа, довѣріемъ представителей этого народа. Англійскій король безотвѣтственъ, но онъ ничего не можетъ сдѣлать безъ участія министровъ, которые за это дѣйствіе отвѣчаютъ передъ парламентомъ... Въ Германіи такой отвѣтственности совершенно не существуетъ. Императоръ призываетъ къ власти, кого онъ хочетъ. Поэтому хотя въ Германіи почти полъ-вѣка существуетъ всеобщее избирательное право, но управлялось оно людьми, враждебными всякой демократіи.

А что послужило поводомъ войны? Готовность Австріи раздавить маленькую свободную Сербію, распоряжаться въ этой чужой странѣ, какъ у себя. Германія всецѣло поддержала Австрію. Она отвергла предложеніе Англіи передать споръ третейскому суду другихъ государствъ. Она насильнически вторгнулась въ Бельгію, которой всѣ европейскія государства торжественно обѣщали неприкосновенность. По своему строю Бельгія относилась къ такому же роду государствъ, какъ Англія и Франція. Въ настоящее время почти вся эта страна занята нѣмецкими войсками. Завоеваніе ея Германіей означало бы въ Европѣ усиленіе военной монархической власти за счетъ народовъ, живущихъ при режимѣ свободнаго самоуправленія. Въ томъ смыслѣ побѣда Германіи заключила бы въ себѣ двойную великую опасность для европейской демо-

кратіи. Она давала бы торжество режиму военнаго деспотизма. Она являлась бы постоянной угрозой для свободы и самостоятельности малыхъ народовъ и государствъ. Ея союзъ съ Австріей, Болгаріей и Турціей оказался не союзомъ, а порабощеніемъ послѣднихъ и въ этомъ совершенно отличался отъ союза, борящагося съ Германіей, гдѣ всѣ государства входятъ на равныхъ правахъ.

Одно могло казаться страннымъ въ этой борьбѣ между демократіей и безотвѣтственнымъ строемъ. Рядомъ съ Франціей и Англіей сражались Россія, государственный порядокъ которой давалъ еще меньше права и свободы ея населенію, чѣмъ порядокъ, дѣйствовавшій въ Германіи, и управленіе было еще безотвѣтственнѣе. Россія участвовала въ войнѣ, которая должна была принести освобожденіе многимъ народностямъ, хотя народности, ея населяющія, терпѣли ограниченія въ правахъ и всяческія стисненія. Даже послѣ того какъ верховный главнокомандующій издалъ возваніе къ полякамъ обѣщая имъ свободу языка, вѣры и самоуправленія, русское правительство еще долгое время по старому съ недовѣріемъ и враждебностью относилось къ полякамъ. Здѣсь было какое-то противорѣчіе. Но все же было ясно и тогда, что Россія вмѣстѣ съ ея союзниками сражается за правое дѣло. Если бы побѣдила Германія, правительство которой всегда поддерживало старые порядки и безправіе, это безправіе у насъ бы утвердилось надолго. Напротивъ того побѣда враждебныхъ Германіи странъ должны были отразиться и на Россіи въ смыслѣ коренныхъ преобразованій въ

духѣ свободы и права. Такъ думали и тѣ русскія партіи, которыя всегда боролись къ существовавшимъ порядкомъ, но теперь во время войны считали, что первое дѣло—побѣдить врага. Такъ думало, можно сказать, огромное большинство русскаго общества, стремящееся всячески помочь нашей арміи. Такъ думали, наконецъ и многіе изъ нашихъ эмигрантовъ—люди подобные Плеханову, Крапоткину, Бурцеву и другіе, которые всю жизнь боролись противъ русскаго правительства и не могли вернуться къ себѣ на родину, но которые въ то же время видѣли всю опасность побѣды Германіи—оплота монархизма и мелитаризма. Вотъ почему рѣшительно осуждая русскій политическій строй они призвали и нашу интелигенцію и наши народные масы всячески отражать натискъ центральныхъ европейскихъ державъ.

Но если раньше могло казаться страннымъ, это участіе не освобожденной Россіи въ освободительной войнѣ, теперь послѣ нашей революціи и оно не можетъ ни въ комъ возбуждать сомнѣній. Рядомъ съ великими демократіями запада образовалась великая демократія востока—Россія. Она получитъ государственное устройство, которое будетъ установлено всенароднымъ учредительнымъ собраніемъ. Передъ нашей родиной открывается путь государственнаго и общественнаго строительства на самыхъ широкихъ демократическихъ началахъ.

Вмѣстѣ съ паденіемъ стараго порядка пали и всякаго рода національныя правоограниченія. Свободная Россія не можетъ притѣснять ни одной

народности въ своихъ предѣлахъ и нельзя подозрѣвать, что и за этими предѣлами она будетъ защищать право всякаго народа, по своему устраивать свою жизнь. Прежняя власть обѣщала полякамъ самоуправленіе, но продолжала ихъ утѣснять и перемѣнила свою политику, лишь тогда, когда Польша была занята германскимъ войскомъ. Новое временное правительство торжественно заявило, что польскій народъ долженъ получить полную независимость. Прежняя власть говорила, что освободить армянское населей отъ турецкаго ига и въ тоже время ничего не сдѣлала для этого многострадальнаго народа, не умѣло или не хотѣло смягчить національныя розни въ краѣ. Новая Россія, освобождая армянскій народъ, стремится создать между нимъ и другими народностями, рядомъ живущими—грузинами, татарами и т. д. мирное сожительство, основанное на общей свободѣ и общемъ равенствѣ. Когда наша доблестная армія двинулась въ Галицію, главнокамандующій заявилъ, что мы пришли освободить нашихъ братьевъ по крови и по вѣрѣ, которые страдаютъ подъ австрійскимъ владычествомъ. Между тѣмъ русскіе чиновники, посланные въ Галицію, сейчасъ же начали насаждать здѣсь наши старые порядки, унижать различные національности, вмѣшиваться въ дѣла церковныя, школьныя, вмѣшиваться въ борьбу мѣстныхъ партій, и возбудили въ краѣ весьма враждебное отношеніе къ Россіи. Но теперь, когда украинцы и въ предѣлахъ Россіи не подвергаются стѣсненіямъ, украинское населеніе Восточной Галиціи естественно предпочитаетъ войти

въ составъ русскаго демократическаго государства, войти въ семью народовъ, живущихъ на началахъ общаго права и общей свободы, чѣмъ оставаться на австрійскомъ владычествѣ.

Къ величайшему удивленію мы видимъ, какъ именно послѣ нашей революціи, послѣ присоединенія къ намъ и нашимъ союзникамъ Соединенныхъ Штатовъ, среди нѣкоторыхъ изъ нашихъ демократическихъ партій раздается особенно сильно призывъ кончить войну, какъ можно скорѣе, раздаются возгласы что она не имѣетъ больше никакого оправданія. Если бы рѣчь шла о завоеваніяхъ, это было бы понятно. Но Россія и не собирается дѣлать никакихъ завоеваній въ смыслѣ порабощенья чужихъ народовъ, какъ заявило и наше временное правительство. Но одно дѣло завоеваніе, а другое, измѣненіе государственныхъ границъ. Демократическія партіи требуютъ, чтобы народамъ было предоставлено право самоопредѣленія, т. е. чтобы они сами рѣшали, какъ имъ устроить свою государственную жизнь. А возможно ли такое самоопредѣленіе, если всѣ старыя границы государства должны остаться неприкосновенными? Всѣ мы считаемъ справедливымъ возстановленіе независимой польши, которую раздѣлили Россія, Пруссія и Австрія. Но это возстановленіе совершенно не возможно безъ перемѣны границъ. Пусть вопреки воли населенія Восточной Галиціи она не должна быть присоединяема къ Россіи; но если это близкое и родственное населеніе предпочтетъ войти въ составъ свободной и демократической Россіи, а не

оставаться подъ властью австрійскаго императора нужно ли въ этомъ препятствовать?

Говоря о завоевательныхъ цѣляхъ войны, особенно указывали на Ближній Востокъ—проливы, связующіе Черное море со Средиземнымъ; но въ этомъ кроется величайшая ошибка. Дѣло здѣсь не только въ томъ, что Россіи совершенно необходимъ свободный и обезпеченный выходъ въ открытое море. Безъ этого мы не можемъ вывозить свои товары, прежде всего продукты земледѣлія и скотоводства, изъ нашихъ южныхъ губерній. Когда въ 1912 году во время войны между Турціей и Италіей проливы были закрыты на нѣсколько дней, это повело къ настоящему бѣдствію для нашего юга. Съ этимъ открытымъ выходомъ связано прежде всего благосостояніе крестьянъ нашихъ южныхъ губерній и будетъ связано, конечно, еще гораздо больше послѣ земельной реформы, когда площадь отъ земли увеличится. Нѣкоторые на это говорятъ что намъ достаточно международное признаніе свободнаго прохода черезъ проливы. Но мы знаемъ къ несчастью, что такія между народныя признанія далеко не всегда соблюдаются. Сильное государство, владѣющее берегами проливовъ, всегда можетъ пренебречь своимъ обязательствомъ и закрыть ихъ. Даже въ томъ случаѣ берега Чернаго моря всегда могутъ подвергнутся нападенію болѣе сильнаго флота, который свободно пройдетъ черезъ проливы. Если же соотвѣтственно должно усилить нашъ черноморскій флотъ и укрѣплять наши берега это вызоветъ новые огромные рас-

ходы и, безъ сомнѣнія, гораздо большіе, чѣмъ наше утвержденіе на проливахъ.

Повторяемъ, все это доказываетъ, насколько проливы необходимы Россіи. Но не замышляется ли здѣсь все же завоеваніе? На это можно отвѣтить, что завоеваніе уже свершилось, но только не съ нашей стороны. Турція во власти Германіи, и турки, хотя считаются союзниками нѣмцевъ, пользуются небольшой самостоятельностью, чѣмъ побѣжденные Германіей національности. Это порабощеніе Турціи, подготовлялось задолго до войны, но теперь оно совершилось. Пока на проливахъ была самостоятельная Турція, Россія могла мириться со всѣми неудобствами такого положенія. Теперь вопросъ идетъ лишь о томъ, будетъ ли господствовать на проливахъ Германія или ея противники? И если мы не хотимъ создать величайшей опасности военной и экономической, если мы не хотимъ оставить нѣмцамъ ключи отъ нашихъ собственныхъ дверей, мы должны быть готовы взять эти ключи себѣ, разумѣется обезпечивая для всѣхъ свободу, плаванья черезъ проливы. Наши союзники это понимаютъ, и хотя прежде они не сочувствовали нашему утвержденію на проливахъ, теперь они вполнѣ признали его неизбѣжность. Если русская демократія сама откажется здѣсь отъ проливовъ, она неизбѣжно откажется въ пользу германскаго имперіализма. Тогда сбудется горделивая мечта германцевъ, что послѣ войны, подъ ихъ владычествомъ останется и Средняя Европа и Передняя Азія.

Наконецъ говорятъ о необходимости измѣнить

наши договоры съ союзниками, если не говорятъ, то считаютъ во всякомъ случаѣ возможнымъ сепаратный миръ съ Германіей. Обвиненіе въ подготовкѣ сепаратнаго мира было однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ обвиненій противъ нашего стараго правительства. Возможно ли, чтобы русская демократія пошла здѣсь на то, на что даже не рѣшилась идти низвергнутая монархія? Но это значило бы измѣнить дѣлу всемірной демократіи въ ту минуту, когда ея дѣло явно побѣждало. Это значило бы предать народы Сербіи и Бельгіи, которые самоотверженно дѣлятъ съ нами всѣ трудности и испытанія войны, земля которыхъ разорена и поругана. Россія навлекла бы этимъ на себя великій позоръ. И не только позоръ—она очутилась бы въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Безъ помощи иностраннаго кредита мы не можемъ возстановить столь подорванное наше государственное хозяйство и государственные финансы, а кто бы тогда намъ сталъ помогать? Союзники отъ насъ же отвернулись, и мы очутились бы въ еще худшей зависимости отъ Германіи, чѣмъ было раньше.

Пусть эти слова будутъ правильно поняты. Свободная Россія не можетъ питать національныхъ ненавистей и возлагать на германскій народъ отвѣтственность за дѣйствія императора и правительства. Пріобщеніи Германіи полной политической свободѣ и народовластію было бы величайшимъ торжествомъ и всякій искренній демократъ долженъ этого желать. Но къ несчастью пока нѣтъ на возможность всего этого никакихъ указаній. Многіе думали, что рус-

ская революція не можетъ не отразиться въ Германіи и приведетъ ее къ государственному перевороту. Этого не случилось, и значительная, вліятельнѣйшая часть нѣмецкой соціалъ-демократіи рѣшительно отвергла всякіе призывы къ перевороту и удовлетворила ихъ обѣщанными императоромъ весьма скромными реформами. Правда въ отвѣтъ на обращеніе русскихъ соціалистическихъ партій германскіе соціалисты тоже признали желательное прекращеніе войны и установленіе прочнаго мира. Но пока это все остается словами, и германскія войска продолжаютъ занимать русскія территоріи и даже готовятся къ дальнѣйшимъ наступательнымъ дѣйствіямъ. Вѣроятно та часть германской соціалъ-демократіи, которая искренне стремится положить конецъ кровопролитію, безсильна это сдѣлать. Вѣдь Либкнехтъ до сихъ поръ томится въ тюрьмѣ.

Трудно сомнѣваться, что русская революція окажетъ свое вліяніе на Германію. Но это случится, когда германской военной монархіи будетъ нанесенъ дѣйствительный ударъ союзной демократіей. Ударъ, который въ конечномъ счетѣ будетъ великимъ благомъ для самаго германскаго народа. Никто не замышляетъ его расчлененія или уничтоженія. Такая мысль была бы просто безумiемъ. Нужно лишь, чтобы всякія притязанія на міровое господство, которыя высказывали не только германское правительство, но и значительныя силы населенія, были оставлены. Пусть для всѣхъ народовъ будетъ одно общее правило: живи и дай жить другимъ.

При такихъ обстоятельствахъ ясны обязанности русской демократіи. Она должна продолжать войну, пока русская земля не будетъ очищена отъ вражескаго нашествія. Она должна продолжать войну, въ полномъ и нерушимомъ единеніи съ нашими союзниками, отвергая всякую мысль о сепаратномъ мирѣ. Наше дѣло—общее дѣло свободы и демократіи, и результатъ войны, можетъ быть опредѣленъ лишь на предстоящемъ мирномъ конгресѣ представителей народовъ.

Главнымъ результатомъ долженъ быть, конечно, дѣйствительно прочный незыблемый миръ, освобождающій народы отъ бремени милитаризма. Долженъ быть поставленъ вопросъ объ ограниченіи вооруженій и обязательной передачѣ всякаго рода международныхъ споровъ на третейское разбирательство и судъ. Трудно надѣяться, что современная война есть послѣдняя, которую ведутъ европейскіе народы. Но во всякомъ случаѣ все должно быть для этого сдѣлано. Поэтому необходимо будущему конгрессу поставить всѣ эти народы въ условіе, при которомъ возможно будетъ ихъ мирное развитіе и удовлетворить ихъ справедливымъ національнымъ требованіямъ. Все это, какъ мы видимъ, должно измѣнить существующую карту Европы. И для всего этого нужно довести войну до побѣдоноснаго конца.

Эти слова повторялись очень часто, но они обозначаютъ, что тотъ, кто видитъ въ такомъ отношеніи къ войнѣ свой долгъ, обязанъ и вести себя соотвѣтственно: если онъ находится въ рядахъ арміи, то не долженъ ни чѣмъ ослаблять ея мощи,

ослаблять ту необходимую дисциплину, которая вполнѣ совмѣстима съ признаніями въ солдатѣ и матросѣ человѣческаго и гражданскаго достоинства. Разъ не будетъ налажено продовольствіе и сообщеніе, разъ мы останемся безъ самыхъ необходимыхъ продуктовъ, безъ пищи, одежды, топлива, металловъ и т. п., какъ вести при этомъ войну? Если онъ работаетъ въ тылу, пусть но забываетъ онъ о связи съ фронтомъ.

И прежде всего демократія требуетъ величайшаго единенія и сплоченности. Нельзя теперь плодить споры, по вопросамъ, которые не требуютъ немедленнаго разрѣшенія. Оставимъ все это до Учредительнаго Собранія. Оно должно разрѣшить вопросъ земельный и вопросъ рабочій. Но пока пусть чрезмѣрная поспѣшность въ ихъ разрѣшеніи не принесутъ тяжкаго, непоправимаго ущерба для войны, для свободы и демократіи. И если при 8-ми часовомъ рабочемъ днѣ нельзя изготовить достаточно снаряженія и всего необходимаго для фронта и тыла, пусть его введеніе будетъ отсрочено. Побѣда Германіи означала бы такой разгромъ русской промышленности, который бы обрекалъ русскій рабочій классъ, на тяжкія бѣдствія. Даже для тѣхъ, кто руководился бы здѣсь лишь однимъ классовымъ интересомъ, это немедленное введеніе 8-ми часового рабочаго дня должно представлятся ошибочнымъ.

Но демократія не руководится одними классовыми побужденіями. Она способна приносить ихъ въ жертву, высшихъ цѣлей и доказать эту способность. Она не только признаетъ обязанности

гражданъ передъ родиной, но и дастъ ему готовность ихъ выполнить. На нашихъ глазахъ англійскій народъ, который никогда не зналъ всеобщей воинской повинности и всегда ее отвергалъ, ввелъ ее, такъ какъ убѣдился, что это необходимо для успѣшнаго веденія войны. А англійскіе рабочіе союзы признали, что обычные законы, уменьшающіе рабочій день сейчасъ не могутъ дѣйствовать и пошли на очень большое удлиненіе своего рабочаго дня—лишь бы увеличить производительность работы на оборону. Такое же благородное самоотверженіе видимъ и со стороны французской демократіи. И здѣсь всѣ частные интересы и разногласія были принесены въ жертву спасенія родины.

Всѣ, кто вѣря въ силы, не только физическія но и духовныя русской демократіи, не могутъ сомнѣваться, что она окажется на высотѣ этихъ примѣровъ. Она совершила великую и въ тоже врема почти безкровную революцію. Она доказала здѣсь и свое самоотверженіе и свое благородство и свою зрѣлость. И не можетъ эта демократія пойти теперь по пути, на которой ее толкаютъ—по пути общей разрухи и анархіи, взаимнаго истребленія и гражданской войны. Не можетъ теперь удовлетвореніе своихъ классовыхъ интересовъ въ эту минуту поставить выше интересовъ родины, грядущихъ поколѣній, всего человѣчества. И не броситъ она войны, отъ исхода, которой зависятъ судьбы и родины и человѣчества. А не бросить ея, значитъ довести ее до общей побѣды.

С. Котляревскій.

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР

Mar.

Складъ изданія.

Москва, Б. Дмитровка, д. 13., кв. 18.

Издательство Московскаго Военно-Промышленнаго Комитета.